

КУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ CONTRA НЕГАТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Авторы статьи стремятся обосновать мысль о том, что главным средством преодоления культурологических лакун является культурная компетентность, основным способом повышения и развития которой служит гуманитаризация. Культурологические лакуны своим источником имеют негативную идентичность, преодоление которой возможно за счет гуманитаризации социальных отношений через гуманитаризацию познания и коммуникации.

Ключевые слова: культура, глобализация, регионализация, культурное многообразие, лакуны, культурная компетентность, элиминация лакун.

Для культурглобализации характерна унификация деловой и повседневной культуры разных регионов на основе расширения и ускорения межкультурной коммуникации. В то же время вполне возможно, что глубинное воздействие ценностей глобализации часто преувеличивается. Так, бум этнознания, реставрация традиционализма и фундаментализма в некоторых регионах, в т. ч. и на Северном Кавказе, говорит, что этноэкономика (см.: [5, с. 12] [8] [11]), этнознание, региональный традиционализм способны оставаться фундаментальным основанием жизни современных социумов и этносов [7] и даже восстанавливаются, несмотря на глобализацию (см. подробнее: [3, с. 260]).

Цивилизации как наиболее масштабные формы интеграции людей на основе культурной идентичности порождали межцивилизационные лакуны сосуществования. В процессе эволюции межцивилизационные лакуны (различия, провалы, противоречия) периодически трансформируются, вызывая, в конечном счете, изменения и на уровне личностной идентификации.

Со времен Древней Греции, а особенно в эпоху буржуазной экспансии Европейской цивилизации и практики передела мира, дилемма «цивилизация-варварство» обеспечивала негативную идентичность западным странам и служила основой их

* ГРИЦЕНКО Василий Петрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и политологии, проректор по научной работе Краснодарского государственного университета культуры и искусств, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: postmodernist@mail.ru.

** ДАНИЛЬЧЕНКО Татьяна Юрьевна, доктор философских наук, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков и культур Краснодарского государственного университета культуры и искусств, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: semiotike@rambler.ru.

идеологии. На современном этапе понятие цивилизации стало мыслиться во множественном числе, что означает курс науки на отказ от европоцентризма [1]*. В научной картине мира вместо прежнего моноцентризма появилось множество цивилизаций, каждая из которых считалась самодостаточной (см.: [19, с. 4–5] [20, р. 177–181, 212–214] [22 р. 81, 97–100] [36, р. 160, 215]). Такая дифференциация человечества и народов на множество цивилизаций должна была означать одновременно процесс межцивилизационной лакунизации. С. Куигли признает шестнадцать исторических цивилизаций, А. Тойнби насчитывает двадцать две цивилизации, О. Шпенглер – восемь, Ф. Бродель – девять цивилизаций (см.: [18, р. 165–174] [27] [30, р. 77 – 84] [38. р. 267]). Различия точек зрения зависят от оснований той или иной классификации. М. Мелко приходит к заключению, что существует единое относительно двенадцати мировых цивилизаций, из них пять современных – китайской, японской, индуистской, исламской и западной [28, р. 133]. С. Хантингтон добавляет к основным цивилизациям африканскую, латиноамериканскую и православную [13, с. 54]. В этой классификации нарушается правило единого логического основания и цивилизации выделяются не по интегрирующему, а скорее, по дифференцирующему политическому или экономическому признаку.

Идеологами новой системы отношений стали в основном американцы: З. Бжезинский, С. Хантингтон, И. Валлерстайн, Ф. Фукуяма. В новой картине мира возникла возможность многополюсной, полицивилизационной глобальной политики. Модернизация перестала быть синонимом вестернизации – распространения западных идеалов и норм на весь мир. Перспектива – ни в возникновении всеобщей коммунистической или постиндустриальной цивилизации, ни в вестернизации незападных обществ. Многополюсность поставила в качестве первостепенной проблему межцивилизационных лакун и баланса между цивилизациями. Начинает разыгрываться сценарий между цивилизациями, который в какой-то мере описан Н. Я. Данилевским [6]. Универсалистские претензии Запада становятся все более опасными, особенно по линии разлома с исламом и Китаем и требуют самоограничения западных экспанси-

* На одну из фундаментальных европоцентристских лакун в теории цивилизаций указывают В. П. Бабинцев и В. П. Римский: «... во многих обобщающих трудах и почти во всех популярных учебниках по истории культуры или истории философии, а часто и по всеобщей истории существует громадная «дыра» почти в тысячу лет, именуемая «Византийской цивилизацией» [1, с. 22].

онистских амбиций [13, с. 14–16]. Ведь в основе экспансионизма как раз и лежит негативная идентичность как культурологическая основа войны.

Как это ни покажется парадоксальным, но по мере хода исторического процесса количество лакун не сокращается, а растет. В доиндустриальном обществе цивилизаций было очень ограниченное количество, и они отделялись друг от друга значительными пространственновременными лакунами. Наиболее благоприятно велась торговля в Средиземном море и Индийском океане, караванная же торговля являлась более трудоемким занятием, и контакты были весьма затруднены [26]. Например, андская и мезоамериканская цивилизация до XV в. вообще не контактировали. О значительности культурных и цивилизационных дистанций в традиционном обществе свидетельствует очень медленный информационный и инновационно-технический обмен. Для передачи идей и технологий из одной цивилизации в другую часто требовались века. Например, изобретение бумаги в Китае относится ко II в., а в Европе этот материал начинает осваиваться только в XII в.; жители Поднебесной создали книгопечатание в VIII в., а европейцы изобрели его лишь в XV в. [20, с. 14]. Наличие глубоких лакун приводило к тому, что значительные контакты между цивилизациями и заполнение лакун имели место тогда, когда акторы одной цивилизации покоряли или уничтожали представителей других цивилизаций. Причем методы уничтожения являлись основным средством ликвидации лакун как внутри цивилизаций, так и между ними: греческие города-государства воевали друг с другом чаще, чем с персами и другими народами. Индия и Китай подвергались набегам и завоевывались другими народами (моголы, монголы), но также знали продолжительные периоды войн в пределах своей цивилизации. Мирные культурные экспансии, наподобие распространения индийского буддизма в Китай, были, скорее, исключениями.

Западный мир изначально не был лидером цивилизационного развития. Однако в XI–XIII вв. ситуация стала меняться, идеологически это было обусловлено христианизацией Европы. К 1500 г. возрождение европейской культуры уже шло активно и позиционирование этого континента как очага культуры и цивилизации в мире привело к возникновению новой цивилизационной лакуны – Запад (капитализм, империализм) – Восток (не-Запад). В конце XIX начале XX вв. Запад конституировался в виде своеобразной конфедерации таких государств как Герма-

ния, Франция, Англия США, Канада и др. Конкуренция внутри этих государств имела многополюсную форму заполнения внутрицивилизационной лакуны индустриально-капиталистической цивилизации, которая дополнялась межцивилизационной лакуной капитализма и некапиталистических стран.

Экономическая динамика стран Запада, внутренняя конкуренция и колониализм завершились прогнозом в виде «Заката Европы» (О. Шпенглер) и двумя мировыми войнами. Развитие государственного социализма в СССР, становление и развитие мировой системы социализма привели к возникновению новых противоречий и модифицировали внутреннюю природу капитализма. Разрешение основного противоречия новой эпохи между капитализмом и социализмом привело к окончанию «холодной войны» и изменению центров силы современного мира. Как видим, те цивилизации, а скорее, полюсы современного мира, о которых пишут американские исследователи, представляют собой скорее не цивилизации, а центры силы. После 1990 гг. межцивилизационные лакуны стали множественны и кардинальны. В СССР возник дискурс «нового политического мышления» как попытка позитивной идентичности. Инициатором был политический лидер СССР М. С. Горбачев. «Новое мышление» названо им новой философией и методологией международного решения дел. Теоретически оно базировалось на пересмотре классово-политической стратегии на международном уровне. Практически подоплекой всего этого была угроза ядерного самоуничтожения человечества*.

Как видим, процесс снятия политических, глобальных лакун происходил путем отказа лидеров СССР от прежних политических доктрин, замены политической картины мира, замены идеологии и вообще замены одной социальногуманитарной картины мира на другую. По существу, шла смена мировоззрения, доминирующего в обществе, сознания и самосознания политической элиты, и это обусловило появление «нового мышления». «Новое мышление» с культурологической точки зрения означает, что в международной политике на смену негативной идентичности должна прийти позитивная. Однако хитрость ситуации заключалась в том, что в условиях социальноэкономического кризиса СССР мировое сообщество, лидеры США

* По словам М. С. Горбачева: «Корни нового мышления – в понимании, что в ядерной войне не будет победителей, и если она случится, оба «лагеря» полетят в тартарары. Милитаристской доктрине, основанной на политике силы, мы противопоставили концепцию баланса интересов и взаимной равной безопасности» [4, с. 37].

использовали ситуацию не для установления многополярного мира, а для установления своей гегемонии на позициях той же негативной идентичности в рамках глобального проекта.

Консолидация западных социумов происходит преимущественно на основе компетенций политических идеологий. Восточные цивилизации до сих пор консолидируются, используя культурные компетенции религии. Но и политическое, и религиозное сознание представляют собой разновидности мировоззренческих ценностей. Поэтому мы можем сказать, что как цивилизационная идентичность, так и преодоление межцивилизационных лакун имеют в своей сущности мировоззренческие компетенции (см.: [13, с. 71–72] [21] [29, р. 7] [37]).

Практики информационной цивилизации привнесли в эту проблематику дискурсы виртуализации. Согласно модели А. Аппадурои глобализация формируется как пять символических потоков, включающих в себя виртуальное этнопространство, виртуальное технопространство, виртуальное финансовое пространство, виртуальную область массмедиа и идеологическое пространство. Виртуальные символические средства являются основой «воображаемых миров», с помощью которых идентифицируют себя, других, вступая в символический обмен [16]. В концепции «воображаемых миров» идентичности отнесение себя к локальному или глобальному, к определенной форме религии или партийной принадлежности и все другое порождается интенциональной деятельностью человека. Гендерная, культурная, политическая, религиозная, этноидентичность и пр. конструируется людьми из потоков символических образов и различаются феноменологически [17, р. 182]. Рост скорости и интенсивности потоков информации делает, в тенденции, различие глобального и локального условным, мир становится глобальным, потому что он как бы «сжимается» вследствие усиления связи его частей, возникает «глокализация» (Р. Робертсон) [31]*. Но все это не снимает, а усложняет проблему культурной компетентности, поскольку на смену системности, однозначной истинности, монизму приходит эклектика, плюрализм, мультикультурализм. В эпоху глобализации вопрос бытия локальных общностей приобрел новую постановку, в частности, как вопрос-дилемма: Существует культура как нечто единое или она представляет собой пеструю мозаику локальных культур?

* Глокализация как явление мировоззренческого уровня отражает такой слой мирового сознания, для которого характерно одновременно и отстаивание социумами своей самобытности (локальность) и укрепление внешних связей.

Это не сугубо терминологический вопрос или казус. От ответа на него зависят интенции идентификации индивида, сообщества, направление и содержание культурной политики.

Современный мир, функционируя как международная система, в то же время не является единым культурным и цивилизационным сообществом с мировоззренческой точки зрения. Кризис имперской монополии Запада еще не завершился, хотя после «холодной войны» возникло множество «центров силы» и множество политических, религиозных, межэтнических лакун цивилизационного уровня. С одной стороны, каждая цивилизация стремится к универсальности, с другой стороны, – вначале Н. Я. Данилевский в своей работе «Россия и Европа» (1868), а затем в 1918 г. О. Шпенглер создали новый, нелинейный образ истории на основе культурологического подхода [32, р. 93–49]. Затем А. Тойнби через свою концепцию сосуществования множества цивилизаций упрочил этот образ [35]. Однако всякая идентичность в качестве своего основания имеет оппозицию «Мы – Они», «Свои – Чужие». Следовательно, всякая идентичность сопровождается образованием лакун, а цивилизационная идентичность сопровождается цивилизационной демаркацией границ. Люди узнают, кем они являются только через противопоставление себя иным, тем, кем они не являются и, более того, через тех, против кого они способны выступить для своего самоутверждения. Основные «центры силы» современного мира, определяющие международную идентичность, принадлежат таким государствам как США, страны Европы, Китай, Япония, Россия, Индия, которые олицетворяют пять цивилизаций, плюс исламские страны [13, с. 25] [24]. В ситуации цивилизационного порыва на Востоке азиатское пространство представляет собой ареал, в котором разворачивается целый набор цивилизационных лакун. Только в Восточной Азии расположены страны, принадлежащие к шести разным цивилизациям, – японской, китайской, православной, буддийской, мусульманской и западной. Япония, Китай, Россия, США, Тайвань, Сингапур, Южная Корея – все это державы, которые находятся в активной экономической и социальной динамике, военном строительстве, что способствует не только торговле, но и подозрительности [25, р. 137]. Например, одно из самых очевидных становящихся противоречий – это противоречие между США и Китаем.

Однако глобализация не снимает наличия сложной иерархии идентичностей социума, надстраивающихся над этнической. Ю.В. Бромлей понимал этнос как «квант» специфической

культурной информации и в то же время подчеркивал неправомерность сведения культурного единства этнических образований к совокупности некоторых особенностей (см.: [2, с. 53, 63] [12, с. 104]). Этнос в целом, как и характеризующая его локальная культура, есть совокупность общего и специфического. Любая из функционирующих культур имеет часть признаков, общих для всех локальных культур, а также группу признаков, несущих национально-специфическую нагрузку. Эти признаки могут быть присущи не всем, а нескольким локальным культурам, например, культурам, входящим в одну историкоэтнографическую область. Исходя из общих соображений, признаки, характеризующие ту или иную локальную культуру, можно разбить на три группы: а) характерные для всего человечества – общие, неспецифические; б) характерные для группы локальных культур – относительно специфические; в) характерные только для данной локальной культуры – абсолютно специфические.

Американский философ Джон Лизза считает [10], что для современного периода отношений между «мы» и «они» характерны не только осознание общечеловеческого «мы», но и проявление интереса к другому этносу, его культуре, стремление лучше узнать его особенности, установить с ним контакт на основе взаимопонимания. Обязательное наличие сходства во всех культурах не исключает наличия культурной дистанции даже между очень сходными культурами. Степень сходства/различия сопоставляемых культур может быть различной. Полярными в таком сопоставлении будут: 1) очень близкие культуры – максимум сходства и минимум различий; 2) очень далекие культуры – минимум сходства и максимум различий [14]. Очевидно, что между двумя полярными случаями соотношения локальных культур возможны промежуточные формы.

Рассмотрим те компоненты культуры, которые могут носить национально-специфический характер. Во-первых, для того чтобы выявить этнодифференцирующие культурологические признаки, необходимо взаимодействие, по крайней мере, двух культур. Только в общении с другим этносом осознается, формируется, закрепляется нечто специфическое для данного этноса и для данной культуры. Во-вторых, специфические различия этнокультурных общностей определяются различием сфер человеческой деятельности. Следует, однако, учитывать, что во всех компонентах культуры существует и нечто общее, служащее основой общения представителей различных этнокультурных общностей.

Локальная культура как набор этноинтегрирующих и этнодифференцирующих свойств может в зависимости от ситуации быть средством общения и средством разобщения. Локальная культура является средством общения, во-первых, внутри своего этноса (благодаря этноинтегрирующей функции языка и других компонентов культуры); во-вторых, между близкими культурами (между культурами с небольшой дистанцией различий), в-третьих, в тех случаях, когда особенности чужой локальной культуры опознаются на фоне своей собственной культуры. Средством же разобщения локальная культура будет, во-первых, в тех случаях, когда общение направлено «вовне», на другой этнос; во-вторых, когда культурологическая дистанция между коммуникантами окажется существенной; в-третьих, когда коммуниканты не опознают и не понимают специфических культурологических признаков, свидетельствующих о принадлежности общающихся к той или иной культуре.

Отношение к чужой культуре в целом имеет двойственный характер. С одной стороны, это негативное отношение, непонимание и неприятие того, что «не как у нас». С другой стороны, это интерес к тому, что выглядит по-другому, стремление узнать и понять своеобразие иной культуры, не отрицая оригинальности собственной. Существование обеих тенденций в отношении к другим национальным культурам осложняет задачу изучения процессов межкультурной компетентности.

В конце XX начале XXI вв. отношение в рамках оппозиции «мы-они» стали более сложными и менее однозначными. «Свое» – значит что-то исконное: свое «Я», собственный подход, родной язык, религия, истоки, семья, что-то родное. «Свое» – это традиционные семейные объединения, когда над личностью всегда стояла община. Начиная с 60-х гг. XX в. в Западной Европе наблюдается сильная тенденция к индивидуализации [23] [34], и одновременно с этим за счет интенсивной компьютеризации ускоряется темп жизни. Модернизация в стиле глобализации приводит к стиранию национальных особенностей и языков. Это не исключает необходимости проникновения в чужую культуру. Язык и образование могут способствовать культурной компетентности и переводу «чужого» в «свое». Нельзя не отметить при этом важности знания друг о друге, значения языкознания, изучения иностранного языка. Как считают современные исследователи [15], культуры легитимизируют свои цивилизационные установки не только посредством фронтальных аргументов, но также с помощью обратных аргументов,

отсылающих к Чужим. Для утверждения своего собственного цивилизационного статуса и обретения идентичности этносы прибегают к символической операции в ментальной сфере с «масками нелюдя» и «масками человека». Но существуют случаи, когда «маска нелюдя» надевается на самого себя и является элементом другой ментально-символической игры – «мы дрянь, но в высшем смысле» – различного рода мессианский садомазохизм. В конце XX – начале XXI вв. стали пробивать себе дорогу принципы мультикультуризма. В противоположность поверхностному взгляду, когда считается, что в этом случае Другой является таким же как и Я, можно допустить, что это более изощренная стратегия: Мы позволяем Другому быть «человеком», но при этом подразумеваем, что источником культурной легитимности являемся Мы, а не Другой.

Из сказанного следует вывод, что, поскольку отношения идентификации столь сложны и запутаны, то и процесс устранения лакун в этой сфере лингвистическим способом нетривиален. Адекватный перевод и понимание могут быть получены лишь в том случае, когда субъект, осуществляющий перевод, будет давать соответствующую интерпретацию. А последняя возможна тогда, когда ему на теоретическом уровне хорошо известны механизмы идентификации и самоидентификации как на социальном, так и на персональном уровне. Рецепты такой элиминации были разработаны еще в средние века, когда возникла экзегетика (герменевтика) религиозных текстов. Для элиминации такого рода лакун необходимо использовать, во-первых, этимологическое толкование, во-вторых, метафорическое толкование, и, наконец, – теоретический комментарий. Только наличие теоретического комментария позволяет заполнить смысловую пустоту, основываясь на знании структуры, сущности и закономерностей развития какого-либо объекта. Аналогичное требуется и в межэтнической среде: национализм, интернационализм, космополитизм – это не просто разные политические позиции, но также разные ментальные организации сознания, разные картины мира и разные способы понимания реальности, межчеловеческих отношений и самого себя, т.е. различные механизмы идентификации и самоидентификации. Поэтому без идеологии, без научной теории устранение концептуальных лакун в общественном сознании и в межкультурной коммуникации невозможно. Таким образом, социальногуманитарные науки и идеология выполняют важнейшую социальную функцию – устранения, заполнения и компенсации мировоззренче-

ских лакун с помощью теоретических средств. Межкультурная компетентность ведет не только к приближению «чужого», но и к возникновению нового взгляда на «свое». Культурологическая компетентность – это также условие успешного социального и политического управления, на что обращает внимание и ЮНЕСКО* [9].

Одна из главных проблем, которая возникла на постсоветском, европейском и мировом уровне – это культурное многообразие и управление им. Ситуация такова, что постиндустриальное общество и соответствующая ему культурная эпоха – Постмодерн, создали в конце XX начале XXI вв. культурный ландшафт с высокой степенью разнообразия**. Что касается Центральной и Восточной Европы, то после Второй мировой войны она была включена в советскую централизованную модель государственного, политического, идеологического развития на принципах единства, централизации, однородности, идеологического и государственного контроля. В ходе политической и идеологической деконструкции СССР в 1990 гг. возникли самостоятельные государства: Латвия, Литва и Эстония – в Балтийском регионе, Белоруссия, Молдова, Украина – в Восточной Европе, Грузия, Армения и Азербайджан – на Кавказе, Казахстан, Узбекистан, Киргизстан, Таджикистан и Туркмения – в Средней Азии и Российская Федерация. Следствием этих трансформаций стали новые «правила игры», определяемые рынком, глобализацией (вестернизацией, американизацией), вхождением прибалтийских государств в Евросоюз. Если ранее культура этого региона регулировалась и фундировалась, прежде всего, государством, а под культурой понималось культурное наследие и классика, то вестернизированный проект сместил акценты: на первое место вышли массовая культура, масс-медиа, телевидение, кино с их символикой ценностей в виде звезд и кумиров. На место идеологических скреп пришли личные связи, новые пристрастия, рыночные механизмы. Возникло культурное пространство, разнообразное по национальной культуре, трансформирующееся и ищущее свое место в глобальном пространстве, как это ни странно, путем борьбы с глобализацией. Поэтому в рамках СНГ четко встала проблема межкультурного диалога как формы утверждения новой идентичности

* Аналитический доклад «О стратегических направлениях культурной политики в странах СНГ». Подготовлен в соответствии с контрактом между Российским институтом культурологии и Бюро ЮНЕСКО в Москве для региональной конференции Содружества Независимых Государств (СНГ) с участием международных экспертов.

** Это в частности способствовало развитию познавательного туризма в разных его формах, так как индивид эпохи глобализации характеризуется метафорой «нового кочевника».

и обретения социального комфорта в новых социокультурных условиях, в условиях интенсивного взаимодействия, миграции, сосуществования. Более того, Постмодернистский проект культуры предложил новую систему ценностей, в которой культура и искусство, в отличие от проекта Модерна (Нового времени), рассматриваются как авангард рыночной экономики, индустрии отдыха, развлечения, индустрии создания нового образа жизни и среды. На место принципов просветительства и начетничества советской идеологической эстетики пришел примат эстетики повседневного, утилитарного и развлекательного.

Новые экономические отношения, рынок в 1990 гг. привели в странах СССР и России к возникновению новых акторов культуры – менеджеров, продюсеров, экспертов. В этих условиях, несмотря на закрытие клубов, библиотек и некоторых других заведений, общее число и разнообразие культурных центров, музеев, коллективов, галерей, выставочных залов, проектов и пр. стало расти. Что касается индустрии культуры, то кризис привел к вымыванию этих форм в ходе глобальной конкуренции за умы и чувства в виртуальном пространстве и заполнению этого рынка массовой культурой и видеопродукцией с Запада. Ключевыми факторами развития искусства на этот период становится кино и телевидение – отрасли, существующие на перекрестке искусства и индустрии.

В современных условиях формирование образа социальной реальности и самой социальной реальности происходит во многом благодаря проективной и конструирующей и манипулятивной роли масс-медиа. Поэтому проблема культурной адаптации применительно к этническим противоречиям и антагонизмам в современных условиях во многом решается за счет формирования, как указывали Аппадурай и Уотерсон, соответствующей образной виртуальной среды путем воздействия на традиционную ментальность и превращения точки локального пространства в глокальное. Дело в том, что большинство локальных культур имеют шанс войти в глобальное пространство лишь через медиасеть. Создание виртуальных самопрезентаций как страны в целом, ее культуры, так и отдельных ее частей – это особая сфера просветительно-образовательной деятельности и искусства, особая индустрия в рамках основных потоков глобального культурного пространства.

Таким образом, информационная цивилизация подготовила новые Вызовы для культуры в целом и региональных культур, в частности. Если до наступления эры компьютера и Интернет

считалось, что компьютер облегчит человеку жизнь, упростит мыслительную работу, сделает ее более экономной, позволит все рассчитать и спланировать, то эра ИКТ привела, напротив, к другой ситуации. Человек как субъект познания оказался в более сложном и лакунизированном мире*. Компьютер заставил человека осознать, что он живет не в одномерном, а в многомерном, синергетически организованном пространстве Космоса.

Отношение российской культуры и глобальной можно рассматривать в рамках глобального проекта и тогда отечественная культура и культура стран СНГ предстанут как региональные. В этом случае соотношение российского и глобального проекта может быть оценено с разных точек зрения: путь самоизоляции, путь слепого заимствования и подчинения и достижение равноправного статуса в ряду глобальных игроков. В настоящее время в глобальном культурном потоке доминанта меняется, стрелка компаса мирового вектора развития колеблется между позициями Восток-Запад, так как некоторые прогнозные экономические, демографические, политические, духовные индикаторы таковы, что указывают на смещение доминанты с Запада на Восток. Сформировался даже соответствующий слоган: «XXI в. – век восхождения Азии и заката Европы» [33]. В этом случае у России получается неплохой шанс для развития в связи с ее традиционным востоко-западным положением в культурной эволюции. Поэтому проблема культурного многообразия, его ассимиляции, культурной компетентности, межкультурного диалога и управления этническим многообразием имеет для России первостепенное значение. Только через развитие межкультурной компетентности и межкультурного диалога может стратегически верно и мирно решена проблема укрепления и развития России, в т. ч., как глобального игрока на поле глобальных межрегиональных схваток. В этом вопросе огромное значение для Ответа на цивилизационный Вызов имеет развитие гуманитарного образования; оно имеет для современной России цивилизационное значение как фактор сохранения культурной идентичности, социального конструирования современной цивилизационной стратегии в эпоху современного преодоления глобальной дилеммы Восток-Запад. Культурно-цивилизационный выбор – это не технократическая, а гуманитарная проблема. Инклюзивная культура, культурная компетентность, межкультурный диалог и управление этническим многообразием имеют для России первостепенное значение. Для правильного Ответа на Вы-

* В постмодернистской терминологии эта расщепленность сознания иногда именуется как «шизоидность».

зов первоначально развитие гуманитарного образования как фактора сохранения культурной идентичности, социального конструирования цивилизационных стратегий и роста культурной компетентности российского общества.

Использованная литература:

1. Бабинцев В. П., Римский В. П. Матрица русофобии и ментально-антропологические типы русской интеллигенции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. 2013. № 16 (159). Вып. 25. С. 16–28.
2. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973.
3. Гемават Панкадж. Мир 3.0: Глобальная интеграция без барьеров. М.: Альпина Паблишер, 2013.
4. Горбачев М. С. Понять перестройку. Почему это важно сейчас. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.
5. Гриценко В. П. Экономика и этноэкономика в контексте модернизации Северокавказских социумов // Социально-экономический ежегодник – 2012. Краснодар: Южный институт менеджмента, 2012. С. 208–221.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1895.
7. Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
8. Колесников Ю. С. Этноэкономика в судьбах модернизации Юга России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. Вып. 2. С. 19–24.
9. Аналитический доклад о стратегических направлениях культурной политики в странах СНГ [Электронный ресурс] // Культурная политика – политика для культуры. URL: http://www.policyforculture.org/texts/analitical_paper_rus.pdf (дата обращения: 14.06.2011).
10. Lissa J. P. The Free Speech and Universal Dialogue Skepsis. A Journal for Philosophy and Interdisciplinary Research. 2008. Vol. 19. № 1–2. P. 90–100.
11. Поляков С. П., Бушков В. И. Социально-экономическая ситуация в Северо-Кавказском регионе. М., 1997. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 108).
12. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003.
14. Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.

15. Якимович А. К. «Свой-чужой» в системах культуры // Вопросы философии. 2003. № 4. С. 48–60.
16. Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Global Culture / ed. by M. Featherstone. Bristol: Sage Publications Ltd., 1997. P. 195–310.
17. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minnesota: University of Minnesota Press, 1996.
18. Bagby Ph. Culture and History Prolegomena to the Comparative Study of Civilizations. London: Longman, Green, 1958.
19. Braudel F. History of Civilizations. N. Y.: Alien Lane – Penguin Press, 1994.
20. Braudel F. On History. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
21. Buzan B. From International System to International Society Structural Realism and Regime Theory Meet the English School // International Organization, 1993. Vol. 47. P. 327–352.
22. Gong G. W. The Standard of «Civilization» in International Society. Oxford: Clarendon Press, 1984.
23. Eilmansberger. Europarecht II. Das Recht des Binnenmarkts: Grundfreiheiten und Wettbewerbsrecht. Wien: Orac Rechtsskriptum, 2000.
24. Kissinger H. A. Diplomacy. N.Y.: Simon & Schuster, 1994.
25. Klare M. T. The Next Great Arms Race // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. № 3. P. 136–152.
26. Lewis B. Islam and the West. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1993.
27. McNeill W. H. The Rise of the West. A History of the Human Community. Chicago: University of Chicago Press, 1963.
28. Melko M. The Nature of Civilizations. Boston: Porter Sargent Publishers, 1969.
29. Mortimer E. Christianity and Islam // International Affairs. 1991. Vol. 67. № 1. P. 7–13.
30. Quigley C. The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis. N. Y.: Macmillan, 1961.
31. Robertson R. Glocalization: Time – Space and Homogeneity – Heterogeneity // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. London: SAGE Publications, 1995. P. 25–44.
32. Spengler O. The Decline of the West. N. Y.: Oxford UP, 1991.
33. The Rise of the Asian Century. Asian association of Christian philosophers. Annual conference 2013. Philippines-Manila: Ateneo de Manila University. 2013.
34. Thun-Hohenstein C., Cede F. Europarecht – Das Recht der Europäischen Union unter besonderer Berücksichtigung des EU-Beitritts Österreichs. Wien: Manz, 1995.

35. Toynbee A. J. Study of History. London: Oxford University Press, 1934. Vol. 1.

36. Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture. Essays on the Changing World System. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

37. Watson A. The Evolution of International Society. London: Routledge, 1992.

38. Weber M. The Social Psychology of the World Religions // Essays in Sociology. London: Routledge, 1991. P. 267–301.

CULTURAL COMPETENCE CONTRA NEGATIVE IDENTITY

GRITSENKO Vasili P., Dr. Sci. (Ontology and Epistemology), Prof.,
Head, Department of Philosophy and Politology,
Vice-Rector for Academic Affairs,
Krasnodar State University of Culture and Arts,
Krasnodar, Russia
E-mail: postmodernist@mail.ru

DANILCHENKO Tatyana Yu., Dr. Sci. (Theory and History of Culture),
Prof., Department of Theory and Practice of Teaching Foreign Languages
and Cultures,
Krasnodar State University of Culture and Arts, Krasnodar, Russia
E-mail: semiotike@rambler.ru

The article examines the situation of cultural diversity, which causes the growth of cultural identity and lacunarity, and the need to improve cultural competence, promoting the elimination of gaps in intercultural communication.

Keywords: culture, globalization, regionalization, cultural diversity, lacunar, cultural competence, elimination of gaps.

Ф. С. Эфендиев*, Ж. С. Тхазеплова**

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ

В работе рассматриваются современные проблемы культурных процессов в условиях глобализации, вопросы трансформации этнических культур Северного Кавказа.

* ЭФЕНДИЕВ Фуад Салихович, доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе Северо-Кавказского государственного института искусств, г. Нальчик, Россия. Электронная почта: patriotkbr2006@rambler.ru.

** ТХАЗЕПЛОВА Жанна Сафраиловна, кандидат философских наук, заведующая справочно-библиографическим отделом библиотеки Кабардино-Балкарского государственного университета, г. Нальчик, Россия. Электронная почта: patriotkbr2006@rambler.ru.